

УДК 37.013.78

DOI 10.23951/2307-6127-2019-5-90-100

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЧЕРЕЗ ИЗУЧЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ

Т. Е. Агафонова

Мининский университет, Нижний Новгород

Исследуются механизмы гендерной социализации, традиционные гендерные модели и современные тенденции феминизации общественного пространства, дан обзор программных текстов русской и зарубежной литературы, которые традиционно изучаются в 5–11-х классах и выступают агентами гендерной социализации – способствуют формированию образов женственности и мужественности; выявлен особый статус русской феминности по сравнению с западноевропейской, его фольклорные, религиозные, философские истоки; поставлена проблема неоднозначности отображения русской маскулинности в литературе вне военно-патриотического контекста; отмечается роль жанровой литературы в формировании гендерных стереотипов.

Ключевые слова: *гендер, гендерная идентичность, гендерные роли, гендерная социализация, гендерный стереотип, феминность, маскулинность.*

Гендерная идентичность – значимый компонент я-концепции человека. То, как человек чувствует, думает, оценивает себя, проявляет в поступках, а также то, как его воспринимают окружающие, не в последнюю очередь зависит от гендера [1]. С прескриптивной точки зрения, гендер – это не биологический, а социальный пол, то, какими предписывают быть биологическим мужчинам и женщинам в данном обществе на данном культурно-историческом этапе: как выглядеть, как себя вести, чем заниматься, как взаимодействовать друг с другом [2]. С социально-психологической точки зрения, гендер – сложное образование, возникающее в результате не слепой, а критической, то есть частичной, интериоризации существующих в обществе гендерных норм, частичной в той мере, в которой эти гендерные нормы соответствуют осознанным нейрофизиологическим особенностям, внутренним потребностям, ценностям и мировоззрению личности.

Гендер неоднозначно коррелирует с полом и сексуальностью. Осознание себя как представителя определенного пола и становление гендерной идентичности – длительный и многоэтапный процесс. Пренатальные факторы (генетические и гормональные) определяют формирование условно «мужского» или «женского» мозга и отчасти сексуальную ориентацию [3]. Сразу после рождения начинается процесс гендерной социализации: родители с младенчества по-разному общаются с мальчиками и девочками, стимулируя одни индивидуально-личностные проявления (исследовательское поведение мальчиков и послушание девочек) и не поощряя другие (открытую агрессию девочек и эмоциональность мальчиков, например) [4]. Агентами социализации выступают и сверстники. К семи годам, по выражению Э. Маккоби [5], формируются «две культуры детства», детские сообщества становятся гомогенными: мальчики отдельно, девочки отдельно, при этом в мальчишеской среде более жесткие требования к соблюдению норм «мужского» поведения. Несомненно, первые и очень значимые представления о гендерных ролях ребенок получает в семье, на протяжении многих лет наблюдая за поведением родителей: как общаются с ним и между собой, кем работают, какую работу выполняют по дому. Модели гендерного поведения также транслируются через литературу и мультфильмы: «Девочкам не обязательно все делать самим, а мальчикам так нравится проявлять свою силу», – говорит голос за кадром попу-

лярного мультсериала «Лунтик». В школе помимо явных инструментов формирования гендерных представлений (анализ женских и мужских образов в литературе, проведение «гендерных» праздников 8 Марта и 23 февраля, военно-патриотическое воспитание, уроки технологии) есть и скрытые, так называемый «скрытый учебный план» [6]: иллюстрации учебников, по-разному отображающие сферу занятости мужчин и женщин [7], негласное деление предметов на мужские (физика, математика) и женские (литература, языки), разный стиль общения преподавателя с мальчиками (талантливые, но невнимательные и недисциплинированные) и девочками (усидчивые и старательные, но малоталантливые) [8]. Так постепенно складывается представление человека о себе как представителе определенного пола, готового или неготового в той или иной мере принимать гендерные стандарты, существующие в данном обществе. В целом схема формирования гендерной я-концепции сложна, но в зависимости от успешности гендерной социализации человек может достигать разного уровня социально-психологического благополучия.

Литература как учебный предмет, несомненно, способствует интериоризации гендерных моделей. Основной корпус текстов, предлагаемых школьникам для изучения и анализа, остается неизменным на протяжении десятилетий. В чем специфика русской феминности и маскулинности? Как отраженные в классических текстах гендерные модели соотносятся с быстро меняющейся социально-культурной ситуацией современного российского общества, современными представлениями о мужественности-женственности, мужских и женских ролях? Дает ли литература материал для критического осмысления гендерных стандартов?

В философии женское и мужское начало осмыслились через отношения оппозиции и иерархии. Женское начало в восточной (инь-ян) и античной (Платон, Аристотель) традиции ассоциировалось с темной, неоформленной, неодоухотворенной природой, мужское начало – с организующим, духовным началом, разумом, культурой, богом. Этим обосновывалась необходимость примата мужского над женским [9]. Однако в русской философской мысли, приобретающей свое непохожее лицо на рубеже XIX–XX вв. (и носящей религиозную окраску), женскому началу отводится особое место. В. Соловьев разрабатывает концепцию Софии (вечной женственности, божественной премудрости), согласно которой женское начало не темно-стихийное, а духовно оплодотворяющее. Поэты-символисты А. Блок, А. Белый воплощают эту идею творчески, а философ Д. Андреев в книге «Роза мира» рефлексировал над женскими образами русской литературы, обнаруживая все большую степень проявленности Софии в образах Татьяны Лариной, тургеневских девушек, Сони Мармеладовой [10]. А. Куприн устами своего героя (генерала Аносова из «Гранатового браслета») и вовсе предрекает век женщин, ставя их на весьма высокий пьедестал как существ, способных на героизм и самоотверженность в любви. И надо признать, что призыв Соловьева, наблюдения Андреева и пророчества Куприна вполне согласуются с современными идеями феминистской этики заботы (Нэл Ноддингс) и тенденциями развития современного общества, все больше ориентированного на считающиеся традиционно феминными стратегии эмпатии и кооперации [11] в противовес «мужской» конкуренции. София все более явлена в мире. Яркой иллюстрацией кооперативного взаимодействия в современном когнитивном обществе, где преобладают «женские» горизонтальные связи и распределенное управление, могут стать изменения в клубе «Что? Где? Когда?», где все больше ярких женщин-игроков и капитанов, которые меняют командную игру, которая все меньше опирается на готовые знания, а поиск ответа чаще осуществляется благодаря интеллектуальному командному «пинг-понгу» обсуждения и ярким озарениям.

Русская феминность имеет высокий статус, обладает целостностью (каждому школьнику приходилось писать сочинение на тему «Женские образы русской литературы») и отличается от восточной и западной (только Толстой идет в русле западной мысли, оставляя за женщиной темное и стихийное: Анна Каренина, «самка» Наташа Ростова); женский образ не сексуализирован, распространенный в Европе образ роковой женщины-соблазнительницы для русской культуры не характерен. «Раскол» западного и русского восприятия женщины начинается с интерпретации образа Богородицы. В западной церкви – Мадонна, Дева Мария, пречистая, непорочная дева, из культа преклонения которой возникает куртуазная, рыцарская культура, культивируется образ романтической любви с ухаживанием, служением, защитой; в православии – прежде всего бого-Матерь (акцент на материнстве и жертвенности страдающей матери-защитницы и духовной покровительницы, отдающей сына своего на смерть). Однако несмотря на высокий статус феминности в русской культуре, традиционная (патриархальная) модель общественного устройства в большинстве культур закрепляет за мужчинами сферу широкого социального взаимодействия и предписывает активную профессиональную самореализацию; мужская деятельность инструментальная; за женщиной остается мир семьи и сфера межличностного общения, женская деятельность экспрессивная, обслуживающая (концепция взаимодополнительности женской экспрессивной и мужской инструментальной ролей американского социолога Т. Парсонсона). Традиционные мужские качества – инициативность, соревновательность, склонность к риску, агрессивность, но и строгость, сдержанность, рациональность, ответственность и др., так называемый «канон твердости». Традиционные женские качества – эмоциональность, мягкость, осторожность, уступчивость, эмпатийность. Современная (эгалитарная, демократическая) модель предполагает равную потребность мужчин и женщин в профессиональной самореализации, большую вовлеченность мужчин в воспитание детей и ведение домашнего хозяйства, а реализация традиционных «феминных» и «маскулинных» стратегий определяется ситуацией (деловая или частная сфера), а не полом. В развитых странах принимаются особые социальные меры по воспроизводству эгалитарной модели (обязательный отпуск по уходу за ребенком для отцов, обеспечение равного представительства мужчин и женщин в органах власти, пропаганда в СМИ и кинематографе). Россия, несмотря на равенство полов и обеспечение равной вовлеченности мужчин и женщин в общественную, экономическую и культурную жизнь, начиная с Октябрьской революции, несмотря на растущее в 21 веке количество женщин в политике и бизнесе, вероятно, психологически склоняется к первой модели [12], и все более популярен образ буржуазной семьи Америки 60-х: работающий муж и жена-домохозяйка. Некоторые исследователи отмечают конкуренцию разных моделей маскулинности-феминности: традиционная западная, традиционная русская, советская и современная [13]. Первая, как отмечалось выше, предполагает агрессивность, независимость, компетентность и властность мужчины и сексуальную привлекательность, социальность женщины-домохозяйки. Традиционная русская маскулинность – это стойкость, неприязнательность, патриотизм, феминность – жертвенность и милосердие сильной и доминантной матери. Советский мужчина – строитель могучей державы, женщина – работающая мать. При этом в современной России отмечают кризис мужественности [14], имеющий свои историко-культурные предпосылки: войны и репрессии уничтожили большое количество мужчин, превалирование женщин снизило потребность мужчин в личностном росте и конкурентности, воспитание в неполных семьях не дало образцов мужественности и т. п. Насколько литература способна дать такие образцы школьникам?

Для гендерного анализа отобраны программные тексты русской и зарубежной литературы, изучаемые в 5–11-х классах. Нас интересуют ключевые литературные образы муж-

чин и женщин, причем вне историко-культурного контекста, не как социальные или психологические типы, не как воплощение архетипов и даже не в их ролях (возлюбленный/возлюбленная, муж/жена, отец/мать, сын/дочь, брат/сестра), а как квинтэссенция женственности-мужественности, которую мы пробуем выявить с помощью приема генерализации, реконструируя тот процесс, который может происходить в сознании читателя на высоких уровнях обобщения. Наибольшее внимание уделяется произведениям, в которых ключевые мужской и женский персонажи проявляются во взаимоотношениях и образуют диаду, подталкивающую читателей к сопоставлению феминности и маскулинности. Гендерный анализ женских-мужских образов зарубежной литературы дан в порядке изучения текстов. Обзор русской литературы начат с изучаемых в 9–10-х классах (период интенсивного формирования мировоззрения учащихся) вершинных произведений русского реализма, идеи которых (в том числе гендерные представления) являются компонентами национально-культурной идентичности.

Поскольку корпус классических текстов невелик и не меняется на протяжении десятилетий, то даже неспециалист может провести поверхностный анализ гендерных моделей, зафиксированных в русской литературе. Мы намеренно вульгаризируем эту часть обзора хорошо известных всем текстов, чтобы выявить «фоновое излучение» образов мужественности-женственности, влияющее на выпускника российской школы, а значит, и каждого из нас, после того как все сочинения написаны и учебники закрыты.

Конечно, на ум сразу приходит образ сильной русской женщины, которая «коня на скаку остановит». Некрасовская Матрена Тимофеевна Корчагина, беременная, идет к губернаторше просить за несправедливо отданного в солдаты любимого мужа, тихая смиренница Маша Миронова, героиня «Капитанской дочки», едет в столицу искать правды при дворце, чтобы оправдали арестованного Гринева, спасшего ее из пугачевских лап, Соня Мармеладова, пошедшая по желтому билету ради прокормления своего отца-пьяницы, мачехи и трех ее детей, следует за убийцей Раскольниковым в ссылку, Маргарита заключает сделку с дьяволом, чтобы разыскать разуверившегося в себе и малодушно сжегшего роман Мастера. Вспомним жен декабристов, воспетых Некрасовым (причем поэма называется «Русские женщины»), Татьяну Ларину, Машу Троекурову, похожую на светскую Татьяну «в малиновом берете» Анну Андреевну Одинцову – все они проявляют моральную твердость: «но я другому отдана и буду век ему верна» (Татьяна), «жизнь за жизнь. Взял мою, отдай свою, и тогда уже без сожаления и без возврата» (Анна Андреевна). Мы видим возлюбленную (Миронова), влюбленную (Ларина), мать (Корчагина), дочь (Мармеладова) – их женственность в жертвенности. Этим героинь трудно назвать пассивными, они сильны и решительны, но их действия продиктованы не слепой страстью и желанием женского счастья, а внутренней силой и самодостаточностью.

Обратимся к мужским образам. Пожалуй, светский «добрый малый» Онегин, продемонстрировавший свою незрелость в истории с Ленским, блекнет на фоне «русской душой» провинциальной Татьяны. И хотя школьное литературоведение по-прежнему предлагает анализировать в образе Онегина тип разочарованного дворянского интеллигента, задатки которого хоть и загублены средой, но душа которого способна к возрождению, а советское литературоведение даже видело в Онегине будущего декабриста, весь этот историко-культурный контекст по мере удаления от школьных лет становится для читателя все менее актуальным, а вот искренняя и явная симпатия автора «бедной Тане» и ироничная снисходительность к своему «приятелю» и «бестолковому ученику» Евгению не может ускользнуть от читательского внимания, как и финал: нравственное торжество пути Татья-

ны и сознание Онегиным ошибочности своего разочарования и пренебрежения многими сторонами жизни.

Так же мало оправдывает своего героя Лермонтов, задумавший роман о современнике как «горькое лекарство». Сознвая «эпоху безвременья», ни в стихах, ни в прозе он не скрывает тщедушие «героев» николаевской реакции. Разочарованный эгоист Печорин играет чувствами юной Мэри, только бы утереть нос Грушницкому, и честно пишет в дневнике, что «есть неизъяснимое наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души», живой мертвец ищет и не находит обновления в любви похищенной и погубленной горянки Бэлы. Пусть он, в отличие от Грушницкого, готового стрелять в безоружного, не подлец и даже способен на переживание (смерть Бэлы, любовь к Вере), автор не скрывает ни цинизма, ни отсутствия человечности героя. Печорин считает, что постиг все пружины жизни, все мелкие страсти и светские игры, но кажется жалким, когда предстает перед подлинным чувством Мэри, Бэлы и Веры, на которое он не отважится, охлаждая себя скепсисом и рациональным анализом.

В других произведениях школьной классики сюжет разворачивается также не в пользу торжества идеологии мужских персонажей. Не приспособленный к жизни и не способный на поступки добродушный мечтатель с «голубиной душой», Обломов оставляет в душе честной и стремительной Ольги (стремительной как сама Россия в эпоху перемен) лишь теплое воспоминание с привкусом горечи. Автор отдает ее в руки другого героя – немца Штольца. А Обломов достигает своего идеала попечением Агафьи Пшеницыной на окраине Петербурга – Выборгской стороне. Но идеал этот похож на сон и смерть. Циник Базаров, столкнувшись с гордой красотой умной Одинцовой, на собственном опыте вынужден признавать ошибочность и ущербность материалистических воззрений на природу человека. Гордому мыслителю Раскольникову, задумавшему перевернуть мир несправедливости, возмечтавшему о сверхчеловеке, которому все позволено, совершающему ради идеи смертоубийство (человеческое жертвоприношение), приходится учиться у одухотворенной страданиями Сони, за которой идея христианской любви и самопожертвования. Даже блестящие интеллектуалы, которым симпатизирует и автор, и читатель, порой оказываются не на высоте: Болконский только на смертном одре проникается мудрой всепрощающей любовью к Наташе, а обличитель Чацкий так занят своими чувствами и собственным умом, что не замечает мстительной обиды Софьи.

Некоторые мужские персонажи, по сравнению с женскими, откровенно слабы нравственно: купринский Иван Тимофеевич малодушно разрушает жизнь Олеси и своей нерешительностью напоминает НН из тургеневской «Аси», Борис и Тихон («Гроза» Островского) не могут защитить не способную на лицемерие порывистую Катерину, а среди персонажей «Бесприданницы» нет ни одного не подлеца.

Конечно, есть и благородные романтические рыцари: Гринев, Дубровский, Андрий Бульба, художник Чертков («Невский проспект»), Пьер Безухов, Желтков («Гранатовый браслет»), Григорий Мелехов.

Вне дворянских образов и женско-мужских взаимоотношений есть образ простого русского мужика – добродушного, немногословного, честного и порядочного (Герасим, Бирюк, Левша, Юшка, Ермила Гирин из «Кому на Руси жить хорошо»), есть образ солдата (Остап Бульба, капитан Тушин, герои «лейтенантской прозы»). Но большинство ключевых мужских персонажей (в основном дворянско-интеллигентских) или слабы, или «не проходят испытания любовью», как принято говорить в школьном литературоведении, осуждаются автором или проходят по разряду «лишних людей».

Среди персонажей второго ряда есть еще деспотичные вдовствующие отцы (Фамусов, Троекуров), но есть и великодушно любящие (Муромский, Ростов, Андрей Соколов из «Судьбы человека»), есть и патриархи-наставники (Стародум, Болконский), но их меньшинство.

Женские периферийные персонажи тоже обладают силой, но их красота, страсть или властность могут носить явно отрицательный характер: Простакова из «Недоросля», мать Лариной, которая «крестьянок била, осердясь, все это мужа не спросясь», старая барыня из «Муму», Марфа Кабанова, которую сам Дикой боится, развратная красавица Элен, снедаемая страстью Катерина Львовна Измайлова («Леди Макбет Мценского уезда»), а в мире Шукшина романтикам-мужчинам с тонкой поэтической душой противостоят весьма прагматичные и приземленные, даже грубые женщины. При этом не будем забывать о светлых образах матери в «Детстве» Толстого и «Детстве Темы» Гарина-Михайловского, о душевности толстовской Натальи Саввичны и бабушки из «Детства» Горького, об образах мудрых старух в «Прощании с Матерой» Распутина, о подвижничестве Марены Солженицына. Хотя, конечно, в поисках самих себя и в выстраивании своей идентичности подросткам и юношеству интереснее образы молодых героев.

Итак, ключевым женским персонажам свойственна большая цельность, а мужским, как правило, с точки зрения авторов, меньшая зрелость. Лучшие мужские персонажи – ищущие, лучшие женские – обладающие изначальной мудростью. Отрицательные женские персонажи встречаются среди второстепенных, но даже они обладают силой и даже демонстрируют доминантность. «Евгений Онегин» Пушкина задал определенный канон русского реалистического романа как истории становления личности, важным этапом которого становится встреча с самодостаточным женским персонажем, который сопровождает героя на пути инициации, при переходе в следующий этап духовной жизни. Крестьянские мужские типы обладают большей цельностью, чем дворянские. Однако с большей вероятностью именно дворянские типы русского романа формируют ядро восприятия маскулинности.

Такие наблюдения можно сделать над произведениями, изучаемыми в 7–11-м классах, когда гендерная рефлексия становится актуальной для самих учащихся. Но знакомство с гендерными моделями происходит гораздо раньше, еще при чтении сказок. В 5-м классе изучают «Царевну-лягушку»: перед нами волшебница Василиса Прекрасная, которая со словами «утро вечера мудренее» укладывает супруга спать, за ночь находя решение проблемы. По сути тот же мотив есть и в «Судьбе человека» Шолохова (8-й класс): жена Андрея Соколова отличалась сказочной спокойной мудростью. Традиционное распределение ролей с сохранением лада и гармонии находим и в «Кладовой солнца» Пришвина (6-й класс). Осиротевшие в войну «золотая курочка» Настя и «мужичок в мешочке» Митраша воспроизводят действия матери и отца: Настя смотрит за скотиной и хлопочет в доме, Митраша столярничает, ходит на деревенские собрания. Только хорошо, по словам Пришвина, что Митраша на два года помладше Насти, а то зазнался бы, но как только он вздумает поучать Настю на манер того, как когда-то это делал отец в отношении матери, Настя снисходительно гладит его по голове, и вот они уже вместе трудятся в огороде. Таким образом, характерный для русского фольклора образ мудрой девы (сказка «Девочка-семилетка») переходит в древнерусскую литературу – «Повесть о Петре и Февронии Муромских» (7-й класс) и пронизывает всю русскую литературную традицию.

Определенный материал для гендерного анализа могут дать и представленные в учебниках минимальные биографические сведения о писателях. При изучении биографии Крылова (5-й класс) подчеркивается роль матери в образовании сына, при обращении к биогра-

фии Некрасова жестокость отца, отказавшего сыну в содержании, когда тот отказался от карьеры военного. Несомненно, при знакомстве с Тургеневым не могут пропустить значимый для анализа «Му-му» факт жестокости матери-крепостницы. Светлым воспоминанием рисуется образ матери Лермонтова.

Обратимся к немногочисленным произведениям зарубежной литературы, традиционно включаемым в школьную программу.

5-й класс, «Снежная королева»: девочка Герда преодолевает много преград на пути к похищенному королевой Каю и растапливает его замороженное сердце своими слезами. Снова сильный женский персонаж или обычная история о том, что если и есть у женщины цель, то это возлюбленный? Для детей, конечно, это прежде всего история про преданность другу, брату, про смелость и отвагу без гендерной окраски. Если рефлексировать над гендерными образами, то стоит отметить персонаж маленькой разбойницы, маскулинной девочки-сорванца, способной любить, но не умеющей выражать свои чувства. Мальчишеским азартом и тягой к приключениям отличается Пеппи, в то время как Томи и Аника кажутся одинаково лишенными инициативы, феминными близнецами.

6-й класс, «Маленький принц»: любопытен образ Розы. Это аллегория капризной и обидчивой барышни, с которой принц так измучился, что даже решил покинуть планету, и только после встречи с лисом он понимает, что роза дарила ему свой аромат, отдавала свою душу, что «за всеми этими жалкими хитростями и уловками надо было угадать нежность». Экзюпери снабжает читателя маленьким руководством по обращению с женщинами-цветами: «цветы так непоследовательны!», «никогда не нужно слушать, что говорят цветы», нужно просто дышать их ароматом. Таким образом, «Маленький принц» вполне может дать материал для рефлексии над приемлемостью феминных стратегий получения внимания.

Работа с поэмами «Илиада» и «Одиссея» в 6-м классе позволяет поразмышлять над образами верных жен (Андромаха, Пенелопа), любящих отцов, ставящих семью превыше всех ценностей (Одиссей, не желавший покидать новорожденного Телемаха, Приам, проникающий в шатер Ахиллеса и целующий руки убийце своего сына, чтобы враг смилостивился и отдал терзаемое тело Гектора), однако традиционно изучаются другие эпизоды – героические.

7-й класс, «Айвенго»: роман исторический, рыцарский, соответственно, находим в нем образцы куртуазного служения даме и позитивный образ благородного Айвенго, который хоть и выступает на турнире под именем Черного рыцаря, но являет собой положительный идеал белого рыцаря, а подлинным черным рыцарем оказывается подлый Де Буагильберг. Женские образы в куртуазном романе вторят высокому статусу женственности, в целом характерному для русской литературы. Кроме классической дамы сердца леди Равенны (персонаж достаточно пассивный, как и положено Даме), мы находим и более активный персонаж – самоотверженную врачевательницу еврейку Ревекку.

8-й класс, «Ромео и Джульетта». Джульетта не изображена как невеста на выданье, ожидающая своего принца. Напротив, героиня смело решается на тайный брак, отважно поддерживает юного супруга, который страдает после случайного убийства ее брата; несмотря на все страхи, принимает яд, чтобы инсценировать смерть и избежать замужества с Парисом, а увидев Ромео мертвым, решается на самоубийство. Джульетта активна, инициативна, преданна – все эти качества мы обнаруживали и у героинь русской литературы.

9-й класс, в сонетах Петрарки и «Божественной комедии» Данте учащиеся знакомятся со светлыми образами Лауры и Беатриче, которые вполне соответствуют образу Вечной женственности в русской традиции.

«Фауст» и «Гамлет» знакомят учащихся с уже знакомыми им по русской литературе персонажами мужчин искателей, стремящихся к обретению смысла существования. Сцепленные с ними женские персонажи не так сильны, как в русской традиции, не выступают агентами духовной инициации, чувства к ним не становятся для героев испытанием. Гретхен и Офелия лишь дорисовывают портреты Фауста и Гамлета. Оба, преследуя свои интересы, попутно разрушают жизни любящих их женщин. Фауст, которого Мефистофель испытывает всеми наслаждениями жизни, соблазняет Гретхен (Маргариту), советует усыпить мать, но та от снотворного умирает, затем убивает на поединке брата Гретхен Валентина, она топит ребенка, которого зачала от Фауста, и оказывается в тюрьме. Гамлет, желая отомстить за отца, притворяется безумным, разлюбившим Офелию, убивает по неосторожности ее отца Полония, Офелия от горя потери двух близких людей сходит с ума и случайно погибает в реке. И хотя авторы не осуждают своих героев, которые по-прежнему остаются титанами мысли, читатель может составить обратное представление о личностных качествах этих мужских персонажей и проникнуться симпатией к девушкам, ставшим невинными жертвами своей самоотверженной любви.

Подводя итог обзору, можно сделать вывод, что традиционный набор литературных произведений, предлагаемых школьникам для изучения, содержит позитивные образы сильных женщин, и противоречивые образы мужчин. Социологи сетуют, насколько бедно представлены женские персоналии в учебниках истории, физики и химии, насколько редуцированно изображена социальная жизнь женщин в учебниках начальной школы [7], что негласно формирует у учеников представление, что удел женщины – дом и семья, но не менее проблематична и относительная слабость образов мужчин на фоне образов женщин в ключевых произведениях школьной программы. Объективная причина этого не только в особом статусе русской феминности. Образцовою мужественности мы не находим в классике и потому, что высокая литература реализма стремится изобразить человека в полноте и многообразии его индивидуальных личностных проявлений, не апеллируя к шаблонам и штампам, а гендерные определения «мужчина», «женщина» – это все-таки упрощенная схема. Поэтому образцы мужественности-женственности мы найдем скорее в жанровой (приключенческой, детективной, фантастической) литературе, произведениях Лондона, Хемингуэя, Ремарка (хотя они воплощают образ традиционной западной маскулинности), в военной («лейтенантской») прозе Быкова, Васильева, Астафьева, в книгах Каверина (что иллюстрирует проблему ограниченности формирования русско-советской маскулинности рамками военно-патриотического контекста). Поэтому рекомендуя жанровую литературу (а она, как правило, отдается на откуп самостоятельному изучению и не рефлексирована), мы должны понимать, что юный читатель скорее всего попадет в плоский мир обедненных схем и гендерных стереотипов, которые он, в силу возраста, может принять некритично и интериоризировать, конструируя свою гендерную идентичность по обедненной модели. Если мы обратимся к произведениям по-прежнему популярных и востребованных у молодежи классиков советской жанровой литературы – фантастам Стругацким, например, то обнаружим вполне западные, сексуализированные женские образы в «Пикнике на обочине» (хотя авторы подчеркивают, что изображают капиталистический, не советский, не русский мир), и даже нехарактерный для русской культуры феминистский бунт в «Улитке на склоне» (в книге прослеживается явная атрибуция женского как темного, природного, противостоящего технике и цивилизации, что не соответствует русской философской традиции осмысления женского). Однако в отличие стереотипных и уплощенных образов женственности-мужественности в жанровой литературе, главные героини реалистической, «большой» литературы изображены скорее как люди вообще, а не как носители пола-гендера.

Хотя возможна и другая интерпретация: даже в «большой» литературе господствует андроцентризм, когда мужское синонимизируется с общечеловеческим, и искания Базарова, Раскольникова, Безухова не общечеловеческие, а сугубо мужские.

Мы видим, что образ женщины в русской литературе (культуре) традиционно силен и отличается от западного, образ мужчины размыт (в том числе за счет изображения в образе мужского персонажа человека вообще, а не только мужчины); четче, но площе и часто вне национальной специфики маскулинность проявляется в жанровой литературе, что ставит проблему отбора текстов как потенциальных агентов гендерной социализации. Конечно, тексты на уроках литературы анализируют в философском, проблемном, историко-культурном, литературоведческом ключе, героев оценивают в контексте эпохи, как представителей социальных и психологических, даже национальных типов, но очень редко как мужчин и женщин. Тем не менее в подростковом и юношеском возрасте актуальным компонентом самосознания личности становится гендерная идентичность. И несмотря на то, актуализирует ли педагог заложенные в литературе гендерные ценности и смыслы, предлагает ли их отрефлексировать и обсудить и с каких позиций (традиционалистских, феминистских, эгалитарных или каких-то других), литература остается агентом гендерной социализации. И важно создать такие образовательные условия, которые помогли бы наполнить существующие в обществе и отраженные в литературе гендерные схемы реальным, индивидуальным и личностно значимым содержанием. И у предмета «Литература» в этом отношении большой воспитательный потенциал, если мы не будем слепо эксплуатировать и насаждать схемы как «большой», так и жанровой литературы, а попробуем посмотреть на них критически и творчески, осмысляя литературно-культурный багаж и помогая учащимся выбрать все то, что будет способствовать гуманизации и индивидуализации личности, отвечая на вызовы времени.

Список литературы

1. Эриксон Е. Х. Что такое антропология? Учеб. пособие. М.: ВШЭ, 2014. 238 с.
2. Штылева Л. В. Педагогика и гендер: развитие гендерных подходов в образовании // Женщина в российском обществе. 2000. № 3 (19).
3. Свааб Д. Мы – это наш мозг: от матки до Альцгеймера. СПб.: ИД Ивана Лимбаха, 2018. 544 с.
4. Гендерная педагогика и психология / под ред. О. И. Ключко. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2005. 156 с.
5. Maccoby E. E. The two sexes: Growing Up Apart, Coming Together. Cambridge: Harvard University Press, 1998. 376 p.
6. Ярская-Смирнова Е. Р. Скрытый учебный план сквозь призму гендерного анализа // Иной взгляд. Международный альманах гендерных исследований, май, 2000. Минск, 2000. С. 6–9.
7. Смирнова А. В. Учимся жить в обществе. Гендерный анализ школьных учебников. М.: Оолита, 2005.
8. Попова Л. В. Проблема самореализации одаренных женщин // Вопросы психологии. 1996. № 2.
9. Введение в гендерные исследования: учеб. пос. / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. Ч. 1. 708 с.
10. Андреев Д. Роза мира. М.: Эксмо, 2006. 800 с.
11. Бредберри Т., Гривз Д. Эмоциональный интеллект 2.0. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 208 с.
12. Семенова Л. Э. Содержание основных моделей гендерной социализации в современном обществе // Ярославский пед. вестник. 2009. №3 (60). С. 143–147.
13. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии: учеб. пос. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2015. 768 с.
14. Кон И. С. Маскулинность в меняющемся мире // Вопросы философии. 2010. № 5. С. 25–35.

Агафонова Татьяна Евгеньевна, аспирант, Мининский университет (ул. Ульянова, 1, Нижний Новгород, Россия, 603005). E-mail: agataewww@yandex.ru.

Материал поступил в редакцию 24.06.2019.

DOI 10.23951/2307-6127-2019-5-90-100

GENDER SOCIALIZATION THROUGH THE STUDY OF LITERATURE

T. E. Agafonova

Minin University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

The article is based on the idea of the socio-psychological nature of gender and contains information on the mechanisms of gender socialization (formation of images of femininity and masculinity) with the help of such agents as family, school, mass culture and literature. The traditional Russian, Soviet and Western types of femininity and masculinity are characterized and tendencies of feminization of public space are noted, as well as coexistence of both traditional, and egalitarian gender models in modern Russian culture. The unique rank of Russian femininity are identified in comparison to Western European femininity. Its origins, first, in Russian folklore, where the image of the wise virgin is vividly represented and then migrates to literature, and secondly, in religion (in Western culture the image of the virgin Mary, Madonna is sung and gives rise to a courtly culture, in Orthodoxy the aspect of motherhood of the mother of God is more important). Femininity in Russian religious philosophy, in contrast to ancient and Eastern philosophy, is associated with divine wisdom, and not with the dark and chaotic. These trends also exist in the literature. The article provides an overview of works by Russian and foreign authors, traditionally included into course syllabi at Russian schools (5-11 grades) and act as the agents of gender socialization. They portray the image of a strong, self-sufficient and integral Russian woman, while men are depicted in different ways, often hesitating, unable to cope with the test of love. The image of a femme fatale is not typical for Russian culture and literature, as well as the image of a male knight. The paper drew attention to the difficulties in describing of Russian masculinity as portrayed in literature outside the military-Patriotic context. At this time, genre literature draws more unambiguous images of men, but contributes to the formation of gender stereotypes, so there is a problem of selection of texts with positive examples of masculinity.

Keywords: *gender, gender identity, gender roles, gender socialization, gender stereotype, femininity, masculinity*

References

1. Eriksen Th. H. What is anthropology? Pluto press, 2004. (Russ. ed.: Eriksen Th. H. *Chto takoye antropologiya? Uchebnoye posobiye*. Moscow, VShE Publ., 2014. 240 p.)
2. Shtyleva L. V. Pedagogika i gender: razvitiye gendernykh podkhodov v obrazovanii [Pedagogy and gender: development of gender approaches in education]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*, 2000, no. 3 (19) (in Russian).
3. Swaab D. F. Wij Zijn Ons Brein: Van Baarmoeder Tot Alzheimer, Publishing Centre, 2010. (Russ. ed.: Svaab D. *My – eto nash mozg: ot matki do Al'tsgeymera*. Saint-Petersburg, ID Ivana Limbakha Publ., 2018. 544 p.)
4. *Gendernaya pedagogika i psikhologiya* [Pedagogy and Psychology of Gender]. Edited by O. I. Klyuchko. Saransk, Mordovsky University Publ., 2005 (in Russian).
5. Maccoby E. E. *The two sexes: Growing Up Apart, Coming Together*. Cambridge: Harvard University Press, 1998.
6. Yarskaya-Smirnova E. R. Skrytyy uchebnyy plan skvoz' prizmu gendernogo analiza [Hidden curriculum through the prism of gender analysis]. *Inoy vzglyad. Mezhdunarodnyy al'manakh gendernykh issledovaniy*, 2000, May, pp. 6–9 (in Russian).
7. Smirnova A. V. *Uchimsya zhit' v obshchestve. Gendernyy analiz shkol'nykh uchebnikov* [Learning to live in society. Gender analysis of school textbooks]. Moscow, Oolita Publ., 2005 (in Russian).
8. Popova L. V. Problema samorealizatsii odarenykh zhenshchin [The problem of self-realization of gifted women]. *Question of Psychology – Voprosy Psichologii*, 1996, no. 2 (in Russian).
9. *Vvedeniye v gendernye issledovaniya: uchebnoye posobiye*. Ch. 1 [Introduction to gender studies: textbook. Part 1]. Edited by I. A. Zherebkina. Khar'kov, HCGI Publ.; Saint-Petersburg, Aletyya Publ., 2001. 708 p. (in Russian).

10. Andreyev D. *Roza mira* [The Rose of the World]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 800 p. (in Russian).
11. Bradberry T., Greaves J. *Emotional Intelligence 2.0*, TalentSmart, 2009 (Russ. ed.: Bredberri T., Grivz D. *Emotsional'nyy intellekt 2.0*. Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2017. 208 p.)
12. Semenova L. E. Soderzhaniye osnovnykh modeley gendernoy sotsializatsii v sovremennom obshchestve [The content of the main models of gender socialization in modern society]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2009, no. 3(60), pp. 143–147 (in Russian).
13. Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. *12 lektsiy po gendernoy sotsiologii: uchebnoye posobiye* [12 lectures on gender sociology: textbook]. Saint-Petersburg, European University Publ., 2015. 768 p. (in Russian).
14. Kon I. S. Maskulinnost' v menyayushchemsya mire [Masculinity in a changing world]. *Voprosy filosofii*, 2010, no. 5, pp. 25–35 (in Russian).

Agafonova T. E., Minin University (ul. Ul'yanova, 1, Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603005). E-mail: agataewww@yandex.ru